

Все подтвердили, что то же самое случилось и с ними.

– Меня посадили в тюрьму в такой-то день, – сказал Астильон.

– А меня в тот самый день, когда выпустили тебя, и держали до такого-то дня.

Вальнебон вышел из себя и стал ругаться и кричать:

– Черт возьми, выходит, что я был третьим по счету, а я-то был уверен, что я первый и единственный: меня посадили в такой-то день, отпустили в такой-то.

Остальные трое сидевшие за столом поклялись, что то же самое потом случилось и с ними.

– Ну, раз это так, – сказал Астильон, – я скажу вам, кто такая наша тюремщица; она замужем, и муж ее сейчас в далеких краях.

– Да, конечно, это она, – ответили все.

– Тогда, чтобы больше не ломать себе голову, – сказал Астильон, – раз я был первым, я первый и назову ее имя: это графиня, которая так непокорна, что, когда я завоевал ее расположение, мне показалось, что я одержал победу над Цезарем.

– Черт бы побрал негодницу, которая заставила нас положить столько сил на одно и то же дело и радоваться мнимой победе над нею! – воскликнул один из его товарищей. – Свет еще не видел такого коварства, ведь пока один из нас находился в убежище, она уже готовила себе другого, чтобы даже на день не лишиться себя приятного времяпрепровождения. Я готов пойти на смерть, только бы не оставить ее безнаказанной!

И приятели стали советовать друг с другом, как лучше было бы ее проучить, ибо все сошлись на том, что должны это сделать.

– По-моему, – сказал один из них, – мы должны обо всем рассказать господину нашему, королю, который почитает ее настоящей богиней.

– Нет, этого мы делать не станем, – возразил Астильон, – у нас и без того достаточно средств, чтобы ей отомстить. Давайте лучше завтра, когда она пойдет слушать мессу, встретим ее все вместе, и пусть у каждого из нас на шее будет железная цепь. И когда она войдет в церковь, мы все поклонимся ей, как подобает.

Вся компания одобрила это предложение, и каждый из друзей достал себе по цепи. Наутро они явились одетые во все черное, и вокруг шеи каждого, наподобие ожерелья, была намотана железная цепь. И они стали дожидаться графини, которая должна была прийти в церковь. Едва только она их увидела, как принялась смеяться и сказала!

– Куда это собрались идти эти несчастные?

– Госпожа наша, – ответил Астильон, – мы пришли, чтобы сопровождать вас, ибо все мы – бедные рабы, мы – узники, которые призваны служить вам.

Графиня сделала вид, что не поняла его слов и сказала:

– Я вовсе не считаю вас своими узниками и не думаю, что вы служите мне больше, чем остальные.

– Если мы столько времени могли есть ваш хлеб, мы были бы неблагодарными, если бы не захотели теперь послужить вам.

Графиня притворилась, что не понимает, о чем он говорит, и хотела удивить их своим равнодушием. Но они так убедительно говорили, что она сообразила, что тайна ее раскрыта. Однако она сразу же нашла средство обмануть их, ибо, несмотря на то, что потеряла и честь и совесть, она не хотела, чтобы на ее голову лег позор, которым они собирались ее клеймить. И так как наслаждение было для нее превыше всякой чести, она нисколько не смутилась и не переменялась в лице; молодые люди были так этим поражены, что ушли ни с чем, оставив при себе все то, чем они хотели ее устыдить.

– Благородные дамы, если вы не считаете, что в этой истории достаточно хорошо рассказано о женщинах столь же порочных, как и мужчины, я попытаюсь припомнить еще и другие, чтобы вам их потом рассказать. Однако мне кажется, что вам довольно и этой, чтобы увидеть, что женщина, потерявшая стыд, может причинить во сто раз больше зла, чем мужчина.

Слушая этот рассказ, все женщины до одной крестились. Им казалось, что они видят перед собою всех дьяволов.

– Благородные дамы, – сказала Уазиль, – исполнимся все смирения, слушая эту страшную повесть, – ведь женщина, которую оставил господь, становится сама похожей на того, с кем она соединилась. Если в приближающихся к господу присутствует дух божий, противоположное про-